

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Журналистские приемы в прозе Р. Сенчина
(сборник «Десятые»)**

**АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА**

Студента 4 курса 431 группы
направления 42.03.02 – Журналистика
Института филологии и журналистики

Киселевой Ксении Алексеевны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч.степень, уч.звание

подпись, дата

Г.М. Алтынбаева
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч.степень, уч.звание

подпись, дата

А.А. Гапоненков
инициалы, фамилия

Саратов 2026

Актуальность изучения русской прозы начала XXI века обусловлена поиском новых художественных стратегий, адекватных для осмысления стремительно трансформирующейся реальности. Творчество Романа Сенчина представляет особый исследовательский интерес благодаря специфическому синтезу документальной достоверности, публицистической злободневности и глубинного психологического анализа. Сборник «Десятые. Проза недавнего времени» является не только художественной рефлексией 2010-х годов, но и осознанной попыткой создания литературной хроники, где методы, сближающие прозу с журналистикой, служат основой для масштабного писательского обобщения.

В критическом дискурсе о творчестве Р. Сенчина сложилось несколько ключевых подходов. Исследователи (Г. Калинкина, Г. Пранцова, А. Тимакова) подробно рассматривают документально-публицистическую сторону его прозы: принцип хроники, установку на фактографическую достоверность, работу с актуальным социальным материалом. Другие критики (А. Ермакова, Ю. Корнейчук) сосредоточены на собственно художественных механизмах: психологизме, подтексте, стилистической отточенности. Г. Акбулатова вводит понятие «имитация документальности», показывая, как Сенчин сознательно создает иллюзию абсолютного погружения в реальность. Однако системный анализ того, как именно журналистские приемы взаимодействуют с писательскими стратегиями в создании целостного образа эпохи 2010-х годов, до сих пор не проводился. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Объектом исследования выступила сборник повестей и рассказов Романа Сенчина «Десятые. Проза недавнего времени» (М.: Редакция Елены Шубиной, 2023).

Предмет исследования – художественные средства и нарративные стратегии, обеспечивающие синтез журналистской достоверности и писательского анализа в текстах сборника.

Цель работы – комплексный анализ специфики синтеза журналистских приемов и писательского анализа в художественной системе сборника Р. Сенчина «Десятые».

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- исследованы писательские (собственно литературные) аналитические стратегии в книге – способы психологизации персонажей, построение подтекста, роль художественной детали как элемента обобщения, принципы сюжетостроения и композиционного единства;
- выявлены и систематизированы журналистские приемы и установки в сборнике – работа с актуальным социальным материалом, принцип «хроники», установка на фактографическую достоверность деталей, особенности повествовательной интонации, репортажность сцен;
- определен характер взаимодействия и взаимовлияния журналистики и литературы в создании целостного художественного образа эпохи 2010-х годов.

Материалом исследования послужил сборник Р. Сенчина «Десятые. Проза недавнего времени», включающий повести и рассказы, созданные в период с 2011 по 2020 год: «Зима», «Барби», «Хоккей с мячом», «Помощь», «Косьба», «Сугроб», «К мужу», «Елка», «Полчаса», «У моря», а также авторское предисловие «Мои десятилетия», в котором писатель формулирует свою творческую установку – работу «по горячим следам» с актуальным, еще не ставшим историей настоящим.

Хронологические рамки сборника (с 2011 по 2020 год) позволяют рассматривать его как литературный документ эпохи.

Теоретической и методологической основой работы послужили труды отечественных ученых, посвященные проблемам взаимодействия литературы и публицистики. Прежде всего следует указать выпуск «Ученых записок Тартуского университета» «Литература и публицистика: проблемы взаимодействия» (1986), где на материале русской литературы XIX – начала XX века исследуются механизмы взаимопроникновения художественного и

публицистического начал. Особое значение для настоящего исследования имеют статьи А.Э. Мальц, обосновывающие тезис о том, что русская литература в силу исторических обстоятельств стала «единственной трибуной» для общественной мысли; А.М. Штейнгольд, анализирующей, как в критике В.Г. Белинского аналитическое и публицистическое начала неразрывно связаны; Ю.М. Лотмана, показывающего, как «право на биографию» писателя формируется под влиянием публицистических задач. Эти теоретические положения позволяют экстраполировать классические модели взаимодействия литературы и публицистики на прозу Р. Сенчина.

В исследовании применяются сравнительно-исторический и структурно-семиотический **методы** анализа.

Структура ВКР: введение, две главы, заключение и список источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **первой** главе на основе анализа повестей и рассказов сборника «Десятые» выявлены ключевые социальные проблемы поколений России 2010-х годов, которые Сенчин исследует с помощью литературных средств: психологизации, художественной детали, несобственно-прямой речи, подтекста. Писатель избегает прямого публицистического обличения, исследуя кризисные явления изнутри – через сознание и опыт своих персонажей.

При анализе среднего поколения (условно 35–50 лет) установлено, что оно предстает в сборнике как поколение, переживающее глубокий экзистенциальный кризис, который в работе обозначен как «синдром бесплодного кружения». При внешней стабильности, формальной свободе и относительном материальном благополучии персонажи испытывают внутреннюю пустоту и тоску, доходящую до желания катастрофы как единственного возможного катарсиса. Сенчин фиксирует различные

механизмы психологической защиты: подавление памяти и прошлых амбиций как источника боли; патологический страх перед любыми изменениями и ростом, маскирующийся под здравый прагматизм; а в крайних случаях – полную утрату способности к ответственности и моральной аутентичности. Герои застревают в «затишье», не находя сил ни для движения вперед, ни для осмысленного взгляда назад.

На фоне индивидуального экзистенциального кризиса Сенчин фиксирует не менее глубокий кризис социальный, проявляющийся в системном распаде традиционных форм человеческих связей. Институт семьи в мире «Десятых» перестает быть оплотом стабильности, поддержки и преемственности. Семья либо отсутствует, либо является формальностью, лишенной тепла и понимания, либо разрушена трагическими обстоятельствами. На смену традиционным узам приходят случайные, дисфункциональные и часто опасные связи. Особой формой социального кризиса становится конфликт поколений, который у Сенчина предстает как глухое, немое противостояние. Прагматизм и озабоченность экономической выживаемостью старших сталкиваются с романтическими, но экономически рискованными устремлениями младших. В ряде рассказов конфликт приобретает форму символического насилия младших над старшими, где новая власть цинично попирает мир личной памяти и человеческой привязанности.

Образ молодежи в сборнике Сенчина лишен романтического флера. Писатель выделяет несколько типов: молодые маргиналы и социальные иждивенцы, чье существование представляет собой замкнутый круг алкоголизма, драк и тотальной зависимости; циничные прагматики и карьеристы, легко разрывающие связи с прошлым во имя личного успеха; и молодые люди, которые стремятся к созидательной жизни, но сталкиваются с непреодолимыми экономическими барьерами, блокирующими создание семьи и рождение детей. Трагическим доказательством фатального влияния среды

выступает образ ребенка – пассивной жертвы взрослой безответственности, чья гибель становится итоговой точкой в цепочке социального распада.

Старшее поколение воплощает трагедию физического выживания в одиночестве и символического уничтожения памяти. Повседневность пожилого человека – это изнуряющая стратегия «бережения» скудеющих жизненных сил. Уничтожение последней материальной связи с ушедшими близкими становится актом метафизического насилия, актом забвения, что порождает разрыв последних нитей, связывающих старика с обществом.

На фоне всеобщей апатии выделяется фигура персонажа, представляющего собой сознательную попытку преодоления кризиса через социальное служение и патриотическую идентичность. Однако Сенчин вносит в этот образ критические нюансы: в его позиции обнаруживаются скрытый элитизм и моральный ригоризм, а активная гражданская позиция становится источником идеологического раскола и личностного конфликта. Этот образ не является упрощенным положительным героем; через него Сенчин исследует внутренние противоречия социальной активности в условиях расколотого общества.

Таким образом, в первой главе установлено, что Сенчин создает художественный диагноз обществу 2010-х годов. Проблемы поколений – экзистенциальная пустота средних лет, маргинализация и бесперспективность молодежи, забвение и одиночество старости – предстают как взаимосвязанные симптомы единого системного кризиса смысла, идентичности, социальных связей и преемственности.

Во **второй** главе выявлены и систематизированы журналистские приемы, формирующие документальную основу сборника. В предисловии «Мои десятилетия» Сенчин формулирует свой творческий метод как работу «по горячим следам».

Первый прием – топографическая и архитектурная точность. Действие произведений локализовано в узнаваемых топосах – столице, провинциальных

центрах, сельской местности. Маршруты героев выстроены с картографической точностью: названия улиц, районов, конкретных объектов даны без вымысла. Существенен контраст между столичным и провинциальным пространством. Та же точность характеризует описание жилищ, выступающих маркерами социального статуса и исторической эпохи.

Второй прием – хронологическая маркировка и привязка к актуальной событийности. Сенчин насыщает тексты отсылками к конкретным историческим датам, новостным сообщениям, политическим заявлениям. Этот прием создает эффект синхронности: читатель и персонаж существуют в едином информационном потоке. Датировка каждого рассказа создает пунктирную хронику десятилетия – от смутной тревоги ранних 2010-х к общественному расколу и трагедиям второй половины десятилетия.

Третий прием – фиксация экономических параметров быта. Цены, заработная плата, стоимость товаров и услуг, условия кредитования фиксируются с почти бухгалтерской точностью. Для Сенчина эти параметры являются способом репрезентации качества жизни и давления реальности на индивида. Цена выступает индикатором социального положения.

Четвертый прием – детализация материальной культуры и массового сознания. Гастрономические предпочтения, телевизионные программы, интернет-комментарии, музыкальные пристрастия, бренды и гаджеты создают узнаваемую фактуру 2010-х годов. Особого внимания заслуживает включение в текст «чужих» голосов – интернет-дискуссий, что создает эффект многослойности и подлинности.

Пятый прием – природные и климатические приметы времени. Погодные явления в сборнике – не просто фон, но активный компонент повествования, маркер настроения и предвестник перемен. Образы штормового моря, снегопада, нашествия птиц, перекасти-поле выходят за рамки документальности, становясь символами человеческого поведения и предчувствием судьбы поколения.

Шестой прием – эффект «подслушанного разговора», достигаемый через стилизацию речи персонажей. Персонажи говорят на живом, социально и территориально окрашенном языке: просторечия, сленг, политизированная лексика, ломаный русский мигрантов. Писатель не стилизует, но фиксирует речь, создавая эффект фонографической точности.

Документальная фиксация является для Сенчина не самоцелью, но фундаментом для постановки социального диагноза. Авторская позиция проявляется опосредованно – через отбор материала и выбор точек предельного напряжения, обнажающих скрытые общественные проблемы.

Важнейший инструмент публицистической оптики – типизация персонажей. Персонажи Сенчина – не уникальные личности, но социальные типы, чьи биографии вобрали опыт целого поколения. В работе выделены следующие типы: «бывший человек» с нереализованными амбициями; «маленький бизнесмен», парализованный страхом перед любым ростом; «человек на обочине», чье сознание ограничено заботами о выживании; «одинокая старуха»; «инфантильный маргинал»; «женщина ждущая»; «интеллигент в тупике». Даже эпизодические персонажи несут социальную информацию, формируя фон, на котором проступают контуры социальной патологии.

Обобщая анализ социальных типов, Сенчин ставит обществу 2010-х годов несколько диагнозов. Во-первых, экзистенциальный кризис слоев, добившихся относительной стабильности: формальная свобода оборачивается пустотой. Во-вторых, кризис социальных лифтов и утрата будущего для молодежи: общество не предлагает viable сценариев успеха. В-третьих, атомизация и распад социальных связей: семья, дружба, профессиональные сообщества не дают поддержки. В-четвертых, конфликт поколений как конфликт ценностей, где каждая сторона не слышит другую.

Проведенный в работе анализ позволяет сделать следующие **выводы**.

В отношении писательских аналитических стратегий установлено, что Сенчин строит художественный мир на принципе психологической достоверности, достигаемой через несобственно-прямую речь и эмоциональный аскетизм. Художественная деталь становится инструментом социальной и психологической характеристики. Композиционное единство сборника держится на сквозных мотивах (одиночество, бесцельность, ожидание катастрофы, разрыв преемственности) и едином типе героя – рефлексирующем человеке на паузе, неспособном к решительному действию. Исключение (активный, целеустремленный персонаж) показан как внутренне противоречивый.

В отношении журналистских приемов установлено, что Сенчин последовательно реализует принцип документальности как многоуровневую систему: топографическая точность, хронологическая маркировка, фиксация экономических параметров, детализация материальной культуры, природные приметы, эффект «подслушанного разговора».

В отношении характера взаимодействия журналистики и литературы установлено, что журналистские приемы служат фундаментом для постановки социального диагноза – задачи, традиционно относящейся к публицистике. Однако Сенчин не публицист: он не дает прямых оценок, его позиция проявляется через отбор материала и систему социальных типов. В результате создается целостный художественный портрет 2010-х годов, где документ и художественное обобщение, факт и метафора, репортажность и психологизм перестают быть противоположностями. Сборник «Десятые» становится литературной хроникой, фиксирующей болезненные процессы травмированного общества.

Исследование прошло **апробацию** на всероссийской научной конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (апрель 2026 г.), результаты изложены в публикации:

Киселева, К.А. Сборник Р. Сенчина «Десятые» как литературный документ эпохи / К. А. Киселева // Филологические этюды : сборник научных статей молодых ученых / редакционная коллегия: И. В. Бибина (ответственный редактор) [и др.]. – Саратов : Саратовский университет [издание], 2026. – Вып. 29, ч. 1–3. – 436 с. С. 118-122. URL: <https://www.sgu.ru/struktura/uprid/nauchnye-izdaniyasgu/sborniki-i-prodolzhayuschiesya-izdaniya/filologicheskie-3-2>. – Режим доступа: Сборники и продолжающиеся издания на сайте www.sgu.ru. eISSN 3034-6606. – Текст: электронный.